

Драко

Базальт

...АППАРАТ ЛЕТЕЛ К СКАЛАМ, – ОНИ БЫЛИ СОВСЕМ БЛИЗКО, ЗАЛИТЫЕ СБОКУ СОЛНЦЕМ.

ЛОСЬ ПОДУМАЛ (СОЗНАНИЕ БЫЛО СПОКОЙНОЕ И ЯСНОЕ), – ЧЕРЕЗ СЕКУНДУ, – АППАРАТ НЕ УСПЕЕТ ПОВЕРНУТЬ К ПРИТЯГИВАЮЩЕЙ ЕГО МАССЕ ГОРЛОМ, – ЧЕРЕЗ СЕКУНДУ – СМЕРТЬ.

В ЭТУ ДОЛЮ СЕКУНДЫ ЛОСЬ ЗАМЕТИЛ НА ЛЕДЯНОЙ РАВНИНЕ, БЛИЗ СКАЛ, – СЛОВНО РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА. ЗАТЕМ, АППАРАТ СКОЛЬЗНУЛ НАД ОСТРИЯМИ ЛЕДЯНЫХ ПИКОВ... НО ТАМ, ПО ТУ ИХ СТОРОНУ, – БЫЛ ОБРЫВ, БЕЗДНА, ТЬМА. СВЕРКНУЛИ НА РВАНОМ, ОТВЕСНОМ ОБРЫВЕ ЖИЛЫ МЕТАЛЛОВ.

И ОСКОЛОК РАЗБИТОЙ, НЕВЕДОМОЙ ПЛАНЕТЫ ОСТАЛСЯ ДАЛЕКО ПОЗАДИ, – ПРОДОЛЖАЛ СВОЙ МЕРТВЫЙ ПУТЬ К ВЕЧНОСТИ.

АППАРАТ СНОВА МЧАЛСЯ СРЕДИ ПУСТЫНИ ЧЕРНОГО НЕБА.

А.Н. Толстой

«АЭЛИТА»

Странно пересматривать давние видеоотчеты и наблюдать, как ты медленно сходишь с ума. В первые годы я докладывала о ярких, удивительных снах. Теперь я вижу их наяву. Чувствую, пропускаю сквозь себя, воплощаюсь, таю.

Я смотрю на Темную и пытаюсь вообразить, о чем она думает. Я не сомневаюсь – она живая. Она часто приходит ко мне по ночам, проникает в голову, впитывает мою трепещущую душу. Я становлюсь гордой одинокой женщиной, тоскующей по вниманию.

Вдали от звезд я тусклая, невидимая глыба, но чем ближе к свету, тем ярче разгорается моя красота и, скоро, я доминирую в небе. Диаметр моей ионизированной оболочки более, чем вдвое, превышает диаметр Солнца, хвост простирается за орбиту Юпитера. В истории каждой планеты, близ которой я пролетаю, я становлюсь самой яркой – и наслаждаюсь, понимая это.

Но так же, как в зажигающих меня звездах, я нуждаюсь в эфемерных,

крошечных существах, способных осознать и воспеть мое величие. В этой системе жизнь теплится лишь на третьей планете, и я бросаю в ее сторону жгучий взгляд, вызывая лавину извержений и катаклизмов.

Планета трясется, пузырится, задыхаясь в лучах моего совершенства. Я промчусь рядом, совсем рядом... Не так, чтобы растерзать, но достаточно близко, я даже успею расслышать отчаянный зов – «вернись!»

Крошечный мир обречен совершить почти семьдесят миллионов оборотов вокруг Солнца прежде, чем вновь ощутит близость моего обжигающего дыхания. С каждой встречей, планете становится все труднее со мной расставаться. Она тоскует, стареет, седина давно покрыла ее полюса. Лишь бы коснуться, вдохнуть слепящую плазму... Хоть разочек... Хоть на мгновение...

Я горда, но жестокость мне незнакома. Рано или поздно, мольбы растопят мое оледенелое сердце и я, милостиво, позволю планете приблизиться.

Жаль, что еще ни одна не пережила моей милости...

Стук в дверь развеял гипнотические картины и Гайка, вздрогнув, открыла глаза. На прозрачном экране мигал курсор, рядом с дисплеем невозмутимо тикал старинный, потрепанный метроном. С трудом придя в себя, мышка сохранила видеотчет и расслабилась в глубоком кресле. Пару секунд отдыхала, приводила в порядок мысли.

Стук повторился, Гайка вздохнула. Расстегнув ремни, безмолвно воспарила в невесомости. Отточенными за годы практики движениями, она подлетела к двери и шлепнула ладошкой по сенсору. Усталость копилась давно, но в последние месяцы... С тех пор, как себя исчерпали резервы выносливости...

– Гайкушонок! – в коридоре стоял Чип. – Мы ведь опозда... – он запнулся и широко раскрыв глаза: – Милая, что ты сделала с волосами?!

Гайка отрешенно нахмурила брови, задумалась. Вспомнив, неопределенно махнула лапкой.

– В невесомости все время лезут в глаза. Надоело... – она вздохнула. Чип, сглотнув, вошел в кабину и закрыл дверь. Обернулся, лязгая магниступами по железному настилу.

– Любимая, все хорошо? – он потянулся к парившей над полом подруге,

поймал за локоть и помог опуститься вниз. Недоверчиво тронул туго заплетенную ассиметричную косу.

– Н– да...

– Не нравится? – грустно спросила Гаечка.

Сильно вздрогнув, Чип опомнился и, поспешно, ласково, ткнулся носом в ее щеку. Прохладным, влажным родным носиком... Гайка сжалась.

– Я схожу с ума, – тихо сказала она, опустив голову и, с тоской, глядя на пол. Она знала каждую заклепку в этом полу. Боже, ну почему ей не пришло в голову расположить заклепки хоть чуточку неравномерно? Быть может, тогда было бы легче. Взгляд находил бы ошибку, рождал в душе недовольство и чувство несовершенства, а они бы влекли жажду творчества. Потребность работать. Строить. Жить.

– Уже недолго осталось, родная, совсем недолго, меньше двух месяцев... – Чип с бесконечной лаской коснулся ее перламутровой шерстки. – Скоро стартуем домой, только представь! Вечером ляжем спать, а утром проснемся дома!

– Не утром, а через девять лет... – горько отозвалась Гайка.

– Какая разница?! Нам они покажутся одной коротенькой ночью! – Чип с любовью лизнул подругу в нос. – Ты ведь в порядке? – спросил заботливо.

Гаечка медленно покачала головой.

– Нет, Чип, – она отвела взгляд. – Я не в порядке.

Капитан с болью сглотнул и привлек мышку к груди. Стиснул крепче, ощутив ее состояние.

– Любимая, все хорошо. Все хорошо. Осталось совсем недолго, Гайкушонок ты мой, совсем недолго...

Она отстраненно кивнула. Помолчала, глядя в пустоту.

– Что тебя беспокоит, родная? – тихо спросил Чип. Гайка отозвалась не сразу.

– На Земле сейчас 2036 год, – сказала она внезапно. Обернувшись, бросила прямой взгляд на друга. – Чипа... Я боюсь. Дома, наверно, произошло что-то ужасное.

Бурундук отпрянул:

– Почему ты так решила?

– Люди не обнаружили Темную за четверть века, – глухо ответила Гайка. –

Сейчас она ближе Нептуна, ее должно быть видно в любой орбитальный телескоп. Почему мы до сих пор не видели человеческих кораблей, пусть даже автоматических? Неужели за двадцать четыре года никто, кроме нас, так и не удосужился просчитать траекторию Темной?

Чип неуверенно почесал за ухом.

– Но мы ведь тоже траекторию не просчитывали, любимая. Катастрофу предсказала Кассандра, мы стартовали вслепую. Первое наблюдение провели лишь за Марсом, ты же помнишь, правда, Гая?

Изобретательница мрачно покачала головой.

– Я помню все. И говорю: за минувшие четверть века, на Земле произошло что-то очень нехорошее, – она стиснула коготки. – Мне страшно, Чип. Мы отклонили Темную с курса, но предсказания Кассандры всегда сбываются. А что, если катастрофа, открывшаяся ей в пламени свечи, вовсе не была связана с кометой?

Чип невесело улыбнулся.

– Ну...– он привлек мышку поближе и заключил в крепкие объятия. – Во-первых, ее предсказания сбываются не всегда – верь расплющенному бурундуку, он знает, о чем говорит! – Чип нежно чмокнул подавленную Гайку в нос. – Во-вторых, любимая, мы изменили траекторию Темной. Теперь она пролетит мимо Земли, а без нашего вмешательства – расколотила бы планету вдребезги. Так что, одну катастрофу мы уж всяко предотвратили... – он подмигнул. – Ну, и в третьих... Родная, ты ведь помнишь, надеюсь, какой сегодня день?

Гаечка недоуменно нахмурила брови:

– Девятое ноября... Ой! – она ахнула. – Рассвет! Я прозевала рассвет?!

Чип ухмыльнулся.

– Нет уж, милая. Я, капитан, подобного никому не позволю. У нас почти сорок минут.

Взволнованная Гайка с признательностью чмокнула друга в нос и, оттолкнувшись от пола, точно выверенным движением подлетела к шкафчику на потолке. Выхватила сенсорный комбинезон, сбросила просторную домашнюю пижаму. Чип внизу не сумел удержать восхищенного вздоха:

– Какая же ты, все-таки, у меня красавица... – произнес он совсем тихо.

Гайка с легким смущением оглянулась через плечо.

– Чипа, ну о чем ты думаешь! «Атлас» вышел из пылевого облака, сегодня мы увидим Солнце, Солнце!!! – она, внезапно, сжалась и со страхом посмотрела на иллюминатор, темный уже четверть века. – Господи... Я совсем не помню, какое оно...

Бурундук натянуто усмехнулся:

– Я тоже. Зато помню, как после посадки на Седну ты приучала нас к темноте! – добавил он весело, пока смущенная Гаечка под потолком натягивала комбинезон. – «Главное, ребята, запомните: к этому очень трудно привыкнуть, но здесь всегда темно. Мы вдвое дальше от Солнца, чем Плутон, яркость нашей родной звездочки в тутошнем небе лишь слегка превосходит блеск Сириуса. А ведь нам еще повезло, что Седна сейчас в перигелии – местный год длится почти двенадцать тысяч лет! Если подождать шестьдесят веков, пока планетка окажется в афелии, это будет полтора световых года от Солнца, треть пути до Проксимы...»

– Угу, и тут Дейл заявил, что не намерен шесть тысячелетий ждать какую-то Афелию, – Гайка фыркнула, но внезапно, охнув, закрыла глаза и вцепилась в дверцу шкафчика. Как иногда бывает в невесомости, головокружение началось совершенно неожиданно.

– Что случилось?! – Чип внизу всполошился. Гайка, не открывая глаз, махнула лапкой.

– Приступ. Сейчас пройдет.

– Хочешь дегравизола? – с тревогой спросил капитан. – У меня с собой есть таблетка.

Мышка легонько покачала головой.

– Нет, все нормально... – приступ миновал столь же быстро, как наступил, и Гайка с облегчением открыла глазки. – Это все Темная. Она неправильной формы, и когда вращается, рождает пульсирующие гравитационные волны. А наш вестибулярный аппарат не рассчитан на пульсирующую гравитацию, поэтому...

– Гайкушка, любимая, время поджидает! – взмолился Чип. Вздрогнув, мышка запнулась и беспомощно развела лапками.

– Прости. Ты же меня знаешь.

– Одевайся скорее!

Гайка молча застегнула комбинезон, натянула на ноги магниступы и, грациозно, спланировала вниз. Магнитные подошвы с лязгом прилипли к полу.

– Поспешим, – коротко сказала изобретательница. Чип первым вышел из каюты.

Гайка шла следом, привычно напрягая ступни для управления магниступами, но сегодня ей казалось, будто лапки налиты свинцом, а в грудь забрался старый злой носорог и, при каждом шаге, безжалостно пинает желудок. Носорога звали «Страх».

Одна мысль, что сейчас ее глазам впервые за много лет предстанет Солнце, вызывала у Гайки подсознательный ужас. Голова кружилась, ноги так ослабли, что едва поддерживали жалкие четыре микрограмма, которые она весила в этом крохотном металлическом мирке. Любая балерина продала бы душу за шанс выступить в местном театре, на мгновение подумалось Гаечке.

– Чип, – позвала она тихо. – Милый... погоди секунду.

Капитан с тревогой обернулся:

– В чем дело, родная?

– Мы провели много лет на гравитационном тягаче, в зоне гелиопаузы... – Гайка нервно помахивала хвостиком. – Чип, отзови ребят с платформы. В открытом космосе психика не выдержит возвращения Солнца.

Бурундук ошалело моргнул.

– Гая? Мы же только об этом мечтали последние месяцы!

– Чип, я сейчас говорю не как твоя жена, а как специалист, – сухо произнесла Гайка. – Подойди. Смотри, – она показала ему наручный диагностер, которые носил каждый. – Видишь, какой у меня пульс? С подсознанием шутки плохи, любимый. Мы его не контролируем.

Растерянный капитан почесал за ухом.

– Но... Я не могу... Мы так этого ждали!

– Встретим рассвет в кают– компании, у иллюминаторов, – Гаечка покачала головой. – Чип, прошу, поверь мне сегодня. Не подвергай риску команду.

Капитан закусил губу.

– Гая, может мы с тобою, вдвоем, останемся в кают– компании? А другие...

Ну не могу я лишиться их ТАКОГО дня! – Чип схватил Гаечку за руки. – Любимая, родная моя, не бойся! Мы столько терпели, так долго ждали во тьме! Не бойся рассвета!

Мышка судорожно сглотнула.

– Ладно. Ладно... Но прикажи всем закрепить тали! – добавила поспешно. – И пусть телеметрия с каждого скафандра выводится на внутренний монитор твоего шлема. Следи за пульсом и энцефалограммами!

– Мне следить? – переспросил Чип. Гайка кивнула:

– Я слишком взволнована и испугана. А твоя психика наиболее устойчивая, ты первым заметишь неадекватное поведение... Особенно, у Дейла, – тихо добавила мышка.

Чип нахмурил брови.

– Верно, за ним придется последить... Ну все, милая, скорее! Осталось лишь двадцать минут!

Лязгая магнитными подошвами, они добежали до лифта. Гайка тяжело, с присвистом дышала, Чип нервно на нее поглядывал. Когда двери, наконец, раскрылись, мышка невольно поджала хвостик. Капитан тронул ее за плечо:

– Гая, давай останемся в корабле. Я сообщу остальным про тали, а мы с тобой...

– Я в порядке, – оборвала изобретательница.

Она первой вошла в шлюзовую камеру и отворила дверцу на спине тяжелого термоизолирующего скафандра. Нервничающий и испуганный, Чип подошел к своему.

Привычные, зазубренные до автоматизма процедуры помогли Гайке справиться со страхом. К тому времени, как над внешним двойным шлюзом включилась мигалка и взвыли насосы откачки воздуха, мышка пришла в себя окончательно.

– Чип, – позвала она. На внутреннем дисплее ее шлема появилась встревоженная бурундучья мордочка.

– Да, любимая? Все хорошо?

– Мне уже лучше, – Гайка тихо улыбнулась.

– Здорово!

Визгливое жужжание насосов быстро стихало – воздух, проводник звука, покидал шлюз. Вскоре о работе машин стало возможным догадываться лишь по вибрации. Когда умолкла и она, огромная массивная створка люка повернулась на пол– оборота и откинулась наружу; Чипа и Гайку качнуло волной оставшегося в камере воздуха, устремившегося в царивший за бортом глубокий вакуум.

Беззвучно бухая магнитными сапогами, белая мышка первой вышла на просторную решетчатую платформу. Здесь, пока, царила привычная и опостылевшая всем тьма, лишь слегка разбавленная огоньками прожекторов по периметру.

Следом из шлюза показался и Чип, травивший за собой целую связку кевларовых талей.

– Гая, секунду... – он с гордым видом прицепил один из тросов к поясу ее скафандра. – Вот так!

Мышка невольно улыбнулась.

– Спасибо...

– Скорее, давай к остальным, осталась всего минута!

Гайка кивнула. Отключив магниступы, она ухватилась за перила и принялась быстро перебирать лапками, словно взбираясь по канату. Следом, точно так же, двинулся и Чип; впереди, на самом краю платформы, сверкали наплечные фонари друзей.

– Ну, наконец-то! – возмущенный голос Дейла ворвался под шлемы припозднившихся товарищей. – Гайка, я все мог предположить, но что ты проспичь первый рассвет за...

– Тссс! – Чип неуклюже махнул лапкой в толстом рукаве. – Так, ребята, слушай мою команду: всем надеть тали! Это не просьба!

Хоть и переглядываясь, друзья подчинились беспрекословно и моментально: космос быстро отучает спорить. Чип лично проверил крепление каждого троса.

– В чем дело? – с тревогой спросил Рокфор. У них со Вжиком был общий скафандр на двоих, поэтому шлем имел сильно– вытянутую форму и круговое остекление.

Чип вкратце поведал об опасениях Гаечки. Дейл хмыкнул, Рокфор озадаченно

почесал на шлеме то место, где в других обстоятельствах располагался бы затылок.

– Ребята, я не шучу, – негромко заметила белая мышка. – Следите за собой и не допускайте паники. Солнечный свет здесь, на таком расстоянии, будет слабым и тусклым, но...

– Начинается!!! – вопль Дейла, как булатный клинок, оборвал споры. Судорожно вцепившись в поручни, все оцепенели и обратили взоры на условный «восток».

Там, над чудовищной вращающейся глыбой кометы, появилась слепяще-яркая точка. Желтые лучи озарили платформу, коснулись глаз, прожекторы моментально ослепли – у Гаечки чуть не остановилось сердце. Краем зрения она видела, как Рокки вжался лицом в потеющее забрало шлема, растерянный Чип застыл, а Дейл, вероятно, впервые в жизни, от восторга утратил дар речи. Вжик внутри скафандра Рокфора юркнул австралийцу за пазуху.

Густое пылевое гало вокруг ядра кометы, под лучами светила внезапно заискрилось, заиграло мириадами блесков. Многолетняя работа гравитационного тягача близилась к концу, «Атлас» отделился от пылевого облака достаточно далеко, чтобы экипаж мог впервые выйти в открытый космос, не опасаясь микрометеоритов.

Еще месяц назад, покинуть корабль даже в бронированном катере было невозможно. Ядро кометы стремительно вращалось, увлекая за собой мириады песчинок, нырять в этот абразивный вихрь – что в миксер. Выдержать подобное не сумел бы ни один «обыкновенный» звездолет.

К счастью, сконструированному Гайкой гравитационному тягачу «Атлас» опасность не грозила: он весил два миллиарда тонн и представлял собой крохотный астероид. Чип невольно содрогнулся, вспомнив, сколько лет каторжного труда потребовалось вложить, чтобы стоять сейчас здесь, за орбитой Нептуна, на иссеченной микрометеорами стальной платформе – и встречать первый за четверть века рассвет...

Год на подготовку, полтора – на полет к поясу астероидов, еще два года в безумно сложных условиях было потрачено на сборку колоссальных термоядерных двигателей. Каждый из которых производил за секунду больше энергии, чем все земные электростанции за месяц, и поглощал ежедневно сотни тонн вещества

астероида.

– Никто не верил... – прошептал Чип, почти загипнотизированный зрелищем восходящего Солнца. – Смеялись, не те, мол, масштабы... Муми–тролль и комета...

– Угу, будто человек против кометы смотрится солиднее, – хмыкнула рация голосом Рокфора. На миг опешив, Чип только сейчас сообразил, что говорит вслух. Смutilся, поспешно отключил микрофон. Вздыхнул.

«А ведь Рокки прав», подумал он удивленно. Мышь кажется крохотной только в сравнении с человеком. Но кто заметит эту разницу у подножия Эвереста?! Альпинист ростом в два метра и альпинист ростом в два дюйма...

-точка слева – это можем быть и мы, если смотреть с большой высоты, – Чип с кривой усмешкой процитировал Снусмумрика.

Жаль, что в реальности не все дается так же легко, как в сказках. Муми–тролли спасались от кометы в небольшом гроте, заткнув дыру в своде старой ванной. А Спасателям потребовалось три года на разгон, год в пути на максимальной скорости – и восемь лет маневрирования, прежде чем «Атласу» удалось сблизиться с ядром! Большую часть времени, к счастью, экипаж проводил в анабиозе, бодрствовали лишь сменявшиеся раз в месяц дежурные.

И все ради того, чтобы семь лет безмолвно висеть над кометой, в надежде изменить ее орбиту огромной массой астероида, и не дать вреzаться в Землю через век...

Сердечко Чипа судорожно колотились, рядом – столь же взволнованная – стояла его возлюбленная Гаечка. В огне полыхавшего в пустоте Солнца, унылая стальная платформа казалась висячим садом Семирамиды, теплые желтые лучи согревали тела и души. Смотреть на звезду, конечно, было невозможно – за пределами атмосферы это мгновенно закончилось бы сожженной сетчаткой – но свет, живительный свет, с чем можно его сравнить?! Задыхаясь от восторга, Гайка жмурилась в теплых объятиях и буквально чувствовала, как солнечный пламень выжигает из памяти страх.

– Чип, – позвала она тихо.

– Да, любимая?

– Мы ведь не зря боролись все эти годы, правда? – с надеждой спросила

Гаечка. – Не зря?

Капитан зажмурился. Солнечный ветер пронзал его душу, плазменной бритвой соскребал застоявшуюся в венах накипь.

– Я думаю, – после долгого молчания, очень серьезно произнес Чип, – Что бы ни творилось сейчас на Земле, за нее все равно стоит бороться. Родину не выбирают, любимая. Пусть даже ей нет до нас дела, пусть никто и никогда не скажет и словечка благодарности, пусть Родина плюет в душу и предает тебя каждый миг – все это неважно. Важно не предать самому.

Гайка счастливо улыбнулась.

– Представляешь... Люди ведь не узнают о нашем полете. Когда обнаружат Темную, ее траектория уже не будет пересекаться с Землей, и о комете мельком упомянут в новостях...

Чип улыбнулся.

– Уж лучше так, чем новости о конце света на всех экранах.

Две фигурки в неуклюжих скафандрах прижались друг к другу и замерли, озаренные солнцем. Счастливые и полные любви, они забыли, что предсказания Кассандры всегда сбываются.

Два месяца спустя, в легком космическом катере, на полной скорости мчавшемся домой, Чип нежно поцеловал Гаечку в нос и опустил над ней крышку анабиозной камеры. Долго следил, как засыпает его возлюбленная. Прежде, чем самому погрузиться в сон, он последний раз проверил все системы, настроил таймер пробуждения и, со счастливой улыбкой, закрыл глаза.

Спустя неделю, вышел из строя главный компьютер брошенного за орбитой Урана «Атласа». В полной, жутко– вакуумной тишине заработали двигатели размером с плотину Гувера, и корабль весом в два миллиарда тонн рванулся по направлению к Земле.

Новости о конце света начали появляться на всех экранах примерно за год до столкновения.